

22/137.

На правахъ рукописи.

Политическая исповѣдь балтійскаго нѣмца.

Рѣчь члена Государственной Думы
барона Г. Г. Фелькерзама,

произнесенная въ засѣданіи Государственной Думы
28 мая 1914 г.

Приложено письмо Курляндскаго Губернатора
въ редакцію газеты „Вечернее Время“ отъ
28 мая 1914 г.

1249. ✓

Latvijas
Augstskolas
Biblioteka.

Венденъ, 1914 г.

Печатано въ электро-типографіи О. Гепе, гор. Венденъ.

Подписная часть
Литовской газеты

Вся сумма вносится в кассу

Литовской газеты

в размере 100 рублей

28 мая 1914 г.

Приложено письмо Курляндского губернатора
в редакцию газеты "Вестник Времени" от

28 мая 1914 г.

1234

Latvijas
Augstskolas
Bibliotēka.

Бар. Фелькерзамъ (Курляндская губ.). Гл. Члены Государственной Думы. Когда обсуждалась разсматриваемая нами смѣта департамента государственныхъ имуществъ въ бюджетной комиссiи, Членъ Государственной Думы Шингаревъ обратилъ вниманiе комиссiи на вопросъ, который не только всѣхъ васъ, гг., но и общественное мнѣнiе особенно занимаетъ и интересуеть — на вопросъ о нѣмецкихъ колонистахъ въ Прибалтiйскомъ краѣ. Членъ Государственной Думы Шингаревъ въ засѣданiи 25 ноября сказалъ, что: «вѣдомство переселяетъ на казенныя земли въ Прибалтiйскомъ краѣ русскихъ крестьянъ изъ внутреннихъ губернiй и что нѣкоторые мѣстные помѣщики пытаются изъ Германiи переселять нѣмецкихъ колонистовъ на продаваемыя земли». По мнѣнiю депутата Шингарева, и то и другое нарушаетъ интересы и права мѣстнаго латышскаго населенiя, и, кромѣ того, во второмъ явленiи, т. е. въ поселенiи нѣмецкихъ колонистовъ, онъ усматриваетъ нѣкоторую опасность въ государственномъ отношенiи. Въ томъ же смыслѣ въ этомъ засѣданiи высказался и депутатъ кн. Мансыревъ, но онъ уже вполне положительно и въ самой категорической формѣ утверждалъ, что эти нѣмцы-колонисты именно германскiе подданные. Кн. Мансыревъ говорилъ буквально слѣдующее: «многимъ извѣстно какiе грозныя размѣры принимаетъ германская колонизацiя въ Прибалтiйскомъ краѣ. Я знаю, что въ двухъ уѣздахъ нѣсколько тысячъ десятинъ земли продано нѣмецкимъ колонистамъ и вовсе не русскимъ колонистамъ изъ Самарской или Саратовской губ., а заграничнымъ». Члены нѣмецкаго общества Deutscher Verein, имѣющаго своей цѣлью политическiя задачи, тщательно, съ 1906 г., выиски-

вають всякіе пути для выписыванія нѣмцевъ-колонистовъ изъ-за границы и водворяють ихъ тамъ». И далѣе онъ повторялъ, «что члены этого общества водворяють этотъ нѣмецкій элементъ въ политическихъ цѣляхъ». Послѣ этого, гг., уже въ газетахъ, какъ столичныхъ, такъ и мѣстныхъ, появились статьи, посвященныя равнымъ образомъ этому вопросу о нѣмецкой колонизаціи, большей частью со ссылками на слова кн. Мансырева, но съ нѣкоторыми добавленіями и преувеличеніями. Такъ, напр., было сообщено въ газетахъ «Свѣтъ» и «Вечернее Время», что число колонистовъ въ двухъ только уѣздахъ Курляндской губ. равняется цифрѣ 18.000. Гг., позвольте мнѣ теперь, для восстановления истины и для успокоенія общественнаго мнѣнія, доложить вамъ вполнѣ точныя и достовѣрныя цифры, ибо въ моихъ рукахъ officialныя свѣдѣнія. По этимъ officialнымъ свѣдѣніямъ къ 1 января текущаго года въ Курляндской губ. было всего 6.247 душъ колонистовъ нѣмецкой національности, считая женъ и дѣтей, или, считая по семействамъ, 1.235 семействъ, изъ которыхъ 1.233 семейства русскихъ поданныхъ, и два цѣлыхъ два семейства, гг., колонистовъ, которые еще не приняты были въ русское подданство. Затѣмъ, изъ этихъ officialныхъ свѣдѣній усматривается, что въ числѣ земельныхъ колонистовъ нѣтъ ни одного иностраннаго подданнаго, что случаевъ владѣнія германскими подданными въ Курляндской губ. поземельной собственностью вообще не имѣется, что нѣмецкимъ колонистамъ мѣстными помѣщиками и усадьбовладѣльцами, значить, и латышами, продано 171 крестьянскихъ и мызныхъ участковъ и 3 фольварка, и, наконецъ, что всѣ эти колонисты приписаны къ крестьянскимъ обществамъ различныхъ внутреннихъ губерній: Волынской, Люблинской, бывшей Сѣдлецкой, Варшавской, Радомской и Саратовской. Вы видите, гг., изъ этихъ цифръ, что едва ли можно говорить о германскомъ на-

шествіи, о какой-то нѣмецкой опасности; но, главное, гг., вы видѣли, что все то, что утверждалъ кн. Мансыревъ въ засѣданіи бюджетной комиссіи, истинѣ не соотвѣтствуетъ, ибо кн. Мансыревъ утверждалъ, во-первыхъ, что всѣ эти колонисты нѣмецкіе подданные, — между тѣмъ какъ они русскіе подданные; онъ утверждалъ, что они выписываются изъ Германіи, — а по официальнымъ свѣдѣніямъ оказывается, что всѣ они присяганы къ крестьянамъ разныхъ внутреннихъ губерній; онъ утверждалъ, что именно земельные колонисты иностранные подданные, — и оказывается, что въ числѣ земельныхъ нѣтъ ни одного иностраннаго подданнаго, и, наконецъ, онъ говорилъ о томъ, какіе грозные размѣры принимаетъ эта германская колонизація, но, гг., я не знаю можно ли говорить о грозныхъ размѣрахъ, если оказывается по официальнымъ свѣдѣніямъ, что на самомъ дѣлѣ 171 участокъ и 3 фольварка, значить, 174 самостоятельныхъ хозяйственныхъ единицы перешли въ руки этихъ нѣмецкихъ колонистовъ, русскихъ подданныхъ? Такимъ образомъ, кн. Мансыревъ ввелъ въ заблужденіе депутата Шингарева, во-первыхъ, засимъ, комиссію, и, въ-третьихъ, и печать. Когда я обратился къ депутату Шингареву и спрашивалъ его, откуда онъ имѣетъ эти невѣрныя свѣдѣнія о томъ, что колонисты эти германскіе подданные, то оказалось, что онъ говорилъ это со словъ кн. Мансырева. Депутатъ Шингаревъ былъ у кн. Мансырева въ то время, когда послѣдній владѣлъ имѣніемъ въ Курляндской губ., и, гг., я долженъ вамъ сказать, что эти колонисты, о которыхъ говорилъ депутатъ Шингаревъ, хутора которыхъ онъ видѣлъ собственными глазами, находятся въ разстояніи какихъ-нибудь 10, 12 много 14 вер. отъ того имѣнія, которымъ владѣлъ кн. Мансыревъ. Если онъ, указывая на этихъ хуторянъ, и говорилъ депутату Шингареву, что это нѣмецкіе подданные, то это вещь весьма удивительная, ибо не трудно было констатировать,

дѣйствительно ли они германскіе подданные или нѣтъ, стоило только справиться, стоило только обратиться къ правительству, полиціи и т. д., вѣдь о всѣхъ подданныхъ иностранныхъ, которые проживаютъ въ Курляндской губ., ведется регистрація въ полиціи; значить, всего этого онъ не сдѣлалъ и ему хотѣлось просто бросить тѣнь на это дѣло нѣмецкихъ колонистовъ. Позвольте мнѣ теперь, гг., въ нѣсколькихъ словахъ объяснить вамъ начало и причины такого явленія — появленія въ нашемъ краѣ нѣмецкихъ колонистовъ: первая причина та, что въ Прибалтійскомъ краѣ давно замѣчается большой недостатокъ рабочихъ рукъ въ сельскомъ хозяйствѣ, нужда въ сельскихъ рабочихъ ощущается совершенно одинаково крупными землевладѣльцами и хозяевами изъ крестьянъ; сельскій рабочій элементъ массами переселяется въ города и года два, три тому назадъ было въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Курляндской губ. рѣдкое имѣніе и рѣдкій крестьянскій участокъ, въ которыхъ имѣлось бы обыкновенное нормальное число годовыхъ рабочихъ. Это явленіе, гг., кромѣ того, встрѣчается не исключительно въ Прибалтійскомъ краѣ, отнюдь нѣтъ. Это явленіе всеобщее, вездѣ и отовсюду слышны эти жалобы на бѣгство сельскаго населенія изъ деревни въ города, не только у насъ, но и въ Германіи и, въ особенности, во Франціи. За послѣдніе годы многіе изъ нашихъ помѣщиковъ уже вынуждены были сократить свой обыкновенный штатъ, составъ годовыхъ рабочихъ и вести свое хозяйство наемными рабочими, которые нанимаются не на годъ, а только на извѣстное число мѣсяцевъ, въ продолженіе сельско-хозяйственныхъ работъ. Эти рабочіе уже русскіе, они иногда съ женами, иногда и одни приходятъ къ намъ, остаются до поздней осени и потомъ возвращаются домой. Были такіе случаи, что помѣщикамъ удавалось нанимать ихъ въ годовые рабочіе, но, къ сожалѣнію, такіе случаи весьма рѣдки, ибо русскіе рабочіе на это неохотно идутъ.

Кромѣ того, еще давно, значительно раньше до появленія у насъ первыхъ нѣмецкихъ колонистовъ, вы могли найти въ тѣхъ уѣздахъ Курляндской губ., которые граничатъ съ Сѣверо-Западнымъ краемъ, губерніями Виленской и Ковенской, вы могли найти въ этихъ имѣніяхъ массу сельскихъ рабочихъ батраковъ литовцевъ. Но, гг., комплектовать весь необходимый составъ этихъ сельскихъ рабочихъ батраковъ одними только русскими рабочими, приходящими только на короткое время, и литовцами нельзя: наши помѣщики по-литовски не говорятъ, а изъ литовцевъ знаютъ по-латышски только тѣ, которые жили какъ разъ на границѣ Курляндской губ. и поэтому раньше имѣли соприкосновеніе съ латышами. Кромѣ того, католическое духовенство очень неохотно отпускаетъ ихъ къ намъ и препятствуетъ всякими мѣрами этому движенію. Это понятно, потому что въ Курляндской губ., за исключеніемъ одного уѣзда, почти нѣтъ католическихъ приходовъ, нѣтъ католическихъ церквей. Вотъ, такимъ образомъ, объясняется, что многіе помѣщики не находили того числа рабочихъ, которое для нихъ необходимо. Кромѣ того, есть еще причина другая: это весьма тяжелыя, но весьма поучительныя событія, очень недавнаго прошлаго, гг. Вы должны помнить, что во многихъ имѣніяхъ собственные батраки-рабочіе иногда и совмѣстно съ сосѣдними домохозяевами жгли, грабили и убивали помѣщиковъ, громили ихъ усадьбы и ихъ хозяйства. Я думаю что нечего удивляться поэтому, если помѣщики, бывшіе въ такомъ положеніи, пожелали окружить себя элементомъ другимъ, болѣе мирнымъ, болѣе спокойнымъ и, главное, болѣе надежнымъ въ политическомъ отношеніи. Они увольняли этихъ своихъ ненадежныхъ рабочихъ изъ латышей и стали нанимать уже другихъ, и вотъ въ томъ числѣ и этихъ нѣмцевъ-колонистовъ. Долженъ вамъ сказать, что колонисты въ Курляндской губ. большею частью приходятъ и пришли изъ Волынской губ., туда они переселились изъ гу-

берніи Царства Польскаго, а туда именно изъ Германіи, уже полтора ста лѣтъ, приблизительно, тому назадъ, но послѣ возстанія 1831 г., въ которомъ они участія, кстати сказать, не принимали, условія ихъ жизни тамъ стали настолько тяжелы, что они оставаться тамъ немогли, они бросили свои хозяйства, бросили свои земли и переселились въ Вольнскую губ. Но и тамъ имъ не везеть, ибо за послѣднее время казенныя земли, которыя они арендовали, у нихъ отнимають для раздачи этихъ земель русскимъ крестьянамъ, и эти нѣмцы-колонисты вынуждены массами переселяться въ Америку и Сибирь, а отчасти къ намъ въ Прибалтійскій край. Положеніе было таково, что они оставаться тамъ не могли, они должны были искать себѣ новыя мѣста, а у насъ, гг., былъ недостатокъ рабочихъ рукъ, и, главнымъ образомъ недостатокъ въ надежномъ рабочемъ элементѣ. Вотъ почему мы устраивали этихъ нѣмецкихъ колонистовъ у себя. Я думаю, что мы могли это сдѣлать со спокойною совѣстью, ибо намъ было извѣстно, гг., какъ и вы это знаете, что эти нѣмцы-колонисты всегда оказывались совершенно лойяльными подданными. Не забывайте, что въ то время, когда была революція, въ тѣхъ внутреннихъ губерніяхъ, гдѣ сидѣли нѣмцы-колонисты, тамъ революція всюду остававливалась у воротъ нѣмецкихъ колоній. Но, гг., этотъ рабочий батрачскій элементъ не постояненъ; эти рабочіе батраки сегодня у одного помѣщика, а на будущій годъ они нанимаются у другого и переходятъ, можетъ быть, въ другой уѣздъ. Кромѣ того многіе изъ нѣмцевъ-колонистовъ не привыкають къ условіямъ нашего хозяйства и поэтому цѣлыми партіями опять уходятъ изъ Прибалтійскаго края, возвращаются домой или въ Сибирь и даже въ Америку. Для того, чтобы увеличить мѣстный рабочий элементъ надежный, надо было часть этихъ колонистовъ снабжать землей, сдѣлать ихъ осѣдлыми. Но оба явленіе, какъ увольненіе ненадеж-

ныхъ рабочихъ латышей и замѣна ихъ нѣмцами-колонистами, такъ и поселеніе этихъ нѣмцевъ-колонистовъ на землѣ, произведено не всюду, далеко даже не во всѣхъ уѣздахъ, это дѣлали только отдѣльные помѣщики и, главнымъ образомъ, въ тѣхъ уѣздахъ и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ революціонное движеніе было особенно сильнымъ, и гдѣ помѣщики больше другихъ пострадали отъ революціи, и гдѣ вообще мѣстное населеніе, къ сожалѣнію, по крайней мѣрѣ обширный слой этого населенія, захвачены революціоннымъ духомъ. Засимъ, гг., мнѣ остается опровергнуть еще одно послѣднее заявленіе кн. Мансырева о томъ, что нѣмецкіе фереины выписываютъ этихъ нѣмцевъ-колонистовъ. Гг., о нѣмецкихъ фереинахъ я буду говорить во второй части своей рѣчи, но долженъ сказать сейчасъ, что эти нѣмецкіе фереины тутъ ни при чемъ, они этимъ не занимаются. Нѣмецкіе фереины преслѣдуютъ исключительно культурныя цѣли, а выписываютъ этихъ рабочихъ сельско-хозяйственныя общества, къ нимъ обращаются тѣ помѣщики, у которыхъ нѣтъ достаточнаго числа рабочихъ, и они доставляютъ этихъ рабочихъ, будь то русскіе, которые нанимаются на извѣстное число мѣсяцевъ, будь то постоянные годовые рабочіе литовцы или же нѣмецкіе колонисты. Вотъ полная картина этого напумѣвшаго вопроса о такъ называемой нѣмецкой колонизаціи въ Прибалтійскомъ краѣ. Я думаю, гг., что эта картина ничего страшнаго собой не представляетъ. Я на этомъ могъ бы закончить свою рѣчь, если бы кн. Мансыревъ ограничился указаніемъ на то, что эти колонисты именно германскіе подданные и что они выписываются нами изъ Германіи. Но кн. Мансыревъ этимъ не ограничился, онъ шель дальше. Онъ опять-таки въ категорической формѣ утверждалъ, что колонизація производится въ политическихъ цѣляхъ, и что члены нѣмецкаго фереина въ по-

литическихъ цѣляхъ выписываютъ этихъ колонистовъ изъ Германіи. Это, гг., уже явная инсинуація, это явное заподозриваніе нашего вѣрно-подданничества и вы, конечно, понимаете, что я, какъ представитель лойяльнаго нѣмецкаго населенія Прибалтійскаго края, обойти молчаніемъ подобнаго рода инсинуаціи и заподозриванія не могу. Я долженъ возражать противъ нихъ, тѣмъ болѣе, что эти инсинуаціи и заподозриванія встрѣчаются теперь уже на столбцахъ столичной и мѣстной печати. Печать, гг., выдвигаетъ на очередь балтійско-нѣмецкій вопросъ и въ печати идетъ прежняя травля прибалтійскихъ нѣмцевъ. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, за исключеніемъ сравнительно короткаго промежутка времени послѣ революціи, мы, прибалтійскіе нѣмцы, гг., въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ были, такъ сказать, на скамьѣ подсудимыхъ передъ Россіей. Но тогда, какъ всякому обвиняемому назначаютъ защитника, если онъ самъ себя защищать не умѣетъ, насъ, гг., лишили возможности защищаться, ибо наши опроверженія не принимались и не печатались въ русской печати. Мнѣ хотѣлось бы вѣрить, что именно этимъ фактомъ объясняется то обстоятельство, что и теперь еще среди русскаго общества распространены далеко невѣрныя понятія и сужденія о Прибалтійскомъ краѣ и о прибалтійскихъ нѣмцахъ. Но разъ это такъ, то я долженъ развить передъ вами этотъ вопросъ немного шире. Я, конечно, не буду давать вамъ подробнаго описанія всего своеобразнаго, исторически сложившагося строя Прибалтійскаго края, всѣ эти вопросы впереди; въ настоящій моментъ я долженъ только освѣтить наше положеніе въ краѣ, наше отношеніе съ одной стороны, къ Имперіи, къ идеѣ русской государственности, а съ другой — къ нашей народности, къ нашей культурѣ. То, что я скажу, гг., будетъ нѣчто въ родѣ политической исповѣди балтійскаго нѣмца передъ Россіей, передъ вами, гг., народные представители, дабы

вы всё могли судить о томъ, дѣйствительно ли мы заслуживаемъ того недовѣрія, того подозрѣнія, которое мы встрѣчаемъ въ печати, и тѣхъ инсинуацій, которыя направляютъ противъ насъ. Балтійскіе нѣмцы, гг., прежде всего убѣжденные монархисты; за единство и за нераздѣльность Россійской Имперіи мы стоимъ такъ же твердо, какъ, какъ и вы; автономіи политической мы никакой не домогаемся, стремленія къ сепаратизму мы никогда не проявляли, даже, гг., и тогда не проявляли, когда казалось, что все рухнуло, что нѣтъ болѣе русскаго правительства, ибо мы въ Прибалтійскомъ краѣ пережили время, когда казалось, что это такъ. И тогда мы сплотились около остатковъ правительственной власти и поддерживали ее по мѣрѣ силъ нашихъ. Мы оказали не только моральную, но и дѣятельную поддержку этой власти, и именно этимъ мы значительно усилили антагонизмъ между нами и широкими слоями мѣстнаго населенія. Мы были единственнымъ элементомъ въ краѣ, который въ своемъ цѣломъ остался вѣрнымъ идеѣ русской государственности. Я, гг., это говорю не для самовосхваленія, нисколько, я тутъ особой заслуги съ пашей стороны не вижу, не вижу ея потому, что мы, какъ вѣрноподданные, иначе поступить и не могли, я констатирую только фактъ, но разъ это фактъ, гг., то я спрашиваю, въ чемъ же, насъ обвиняютъ, откуда эти заподозриванія, эти инсинуаціи, въ чемъ насъ упрекаютъ и въ чемъ могутъ насъ упрекать? Развѣ въ томъ только, что мы не русскіе, а нѣмцы, Гг., Господь Богъ создалъ насъ нѣмцами и мы нѣмцами, конечно, и останемся, но это не мѣшаетъ намъ быть въ числѣ вѣрноподданнѣйшихъ изъ вѣрноподданныхъ и въ числѣ лойяльныхъ гражданъ Россійской Имперіи. Есть русская поговорка — «у страха глаза велики». Здѣсь, конечно, вопросъ не въ страхѣ, страхъ тутъ не при чемъ, но бѣда въ томъ, что глаза велики не только у страха, но и у недовѣрія. И вотъ, гг., это

недовѣріе къ намъ, искусственно созданное, искусственно поддерживается нѣкоторыми органами печати, такими газетами, какъ, напр., «Рижскій Вѣстникъ», которыя только тѣмъ и живутъ, что разжигаютъ страсти и обостряютъ взаимныя отношенія, прикрывая свою вредную дѣятельность мнимымъ патріотизмомъ, желаніемъ и будто бы необходимостью защищать русское знамя на Балтійской окраинѣ. Но я, гг., утверждаю, что русскому знамени въ Прибалтійскомъ краѣ со стороны нѣмецкаго населенія никакой опасности не грозитъ. Эта агитаціонная дѣятельность печати и весь прежній режимъ правительства, конечно, не могли сблизить насъ, и для столь желательнаго сближенія окраинъ съ Имперіей, напротивъ, много сдѣлали такіе государственные люди, политика которыхъ была направлена не къ насильственной руссификаціи, но именно къ сближенію. Такіе государственные дѣятели, какъ, напр., нашъ незабвенный генераль-губернаторъ кн. Суворовъ; онъ, гг., былъ русскій цѣликомъ, но онъ понималъ нѣмцевъ, и именно потому, что понималъ ихъ, онъ и довѣрялъ имъ, какъ и нѣмцы довѣряли ему, и такому человѣку не казалось страшнымъ, что нѣмцы отстаиваютъ свою народность, что они желаютъ воспитывать своихъ дѣтей на родномъ языкѣ, что у нихъ есть нѣмецкіе фереины, что они поютъ нѣмецкія пѣсни и т. д. Но, гг., тому, чья душа полна недовѣрія, тому все представляется въ ложномъ свѣтѣ. Во всякомъ словѣ онъ находитъ что-нибудь подозрительное, всему придаетъ какое-то особое значеніе, ищетъ скрытую мысль и т. д. И этой подозрительностью и недовѣріемъ объясняется, что изъ-за нѣмецкихъ колонистовъ (голоса: говорите громче, не слышно) русскихъ подданныхъ, которые теперь переселяются въ Прибалтійскій край, и изъ-за нѣмецкихъ фереиновъ подымается буря въ печати, что газеты кричатъ «карауль» и *videant consules* и тому подобныя громкія слова. Гг., имѣйте въ виду, что наше положеніе въ краѣ

было крайне тяжелое при прежнемъ режимѣ. Сверху шла волна насильственной руссификаціи, относились враждебно ко всякому проявленію культурнаго своеобразія, ко всякимъ культурнымъ начинаніямъ. Насъ лишили возможности имѣть школы съ нѣмецкимъ языкомъ, наши частные кружки, которые образовывались для обученія дѣтей на нѣмецкомъ языкѣ, стѣснялись и даже закрывались, и одно время дошло до того, что нашихъ дѣтей, нѣмцевъ-лютеранъ, заставили въ правительственныхъ школахъ молиться Господу Богу не на родномъ языкѣ, а на государственномъ. Правда, это продолжалось недолго; какъ только было доведено объ этомъ до свѣдѣнія Государя Императора Александра III, онъ этому положилъ конецъ, эта мѣра была немедленно отмѣнена. И это я не говорю съ тѣмъ, чтобы возбуждать страсти, нѣтъ, это дѣло прошлаго, но я только хотѣлъ доказать вамъ, что я былъ правъ, говоря объ этой страшной волнѣ насильственной руссификаціи, которая шла сверху, а снизу, гг., идетъ другая волна, еще болѣе враждебная намъ, это латышская волна, которая стремится и стремилась къ тому, чтобы смыть все нѣмецкое въ Прибалтійскомъ краѣ, вытѣснить насъ изъ всѣхъ позицій, уничтожить вообще всякія нѣмецкія культурныя начинанія и олатышить край. Гг., чтобы не быть голословнымъ, я укажу на тотъ фактъ, что въ тѣ годы, когда печать высказывалась вполне откровенно, тогда мы читали совершенно открыто въ латышскихъ газетахъ, гдѣ намъ говорили: убирайтесь вонъ отсюда, вамъ здѣсь не мѣсто, вы пришельцы изъ Германіи и идите туда, въ вашу фатерландъ, и вамъ здѣсь мѣста нѣтъ, этотъ край латышскій. А мы, гг., думали, что мы имѣемъ такое же право, какъ и они, считать этотъ край нашей родиной, въ виду нашей семисотлѣтней исторіи и въ виду того факта, что весь культурный строй въ этомъ краѣ—дѣло нашихъ неустанныхъ трудовъ. Тогда, находясь между этими двумя

волнами, мы поняли, что мы совершенно одни и что если мы желаемъ отстоять себя, отстоять свою народность и культуру, что несомнѣнно наше право и не во вредъ государству, тогда мы должны сплотиться, и тогда, гг., возникали эти нѣмецкіе фрейны, о которыхъ говорилъ вамъ кн. Мансыревъ; они, какъ я вамъ сказалъ, преслѣдуютъ чисто культурныя цѣли, а не политическія, и главная задача ихъ та, чтобы въ маленькихъ городахъ и мѣстечкахъ, гдѣ есть еще незначительное населеніе нѣмецкой народности низшаго класса, чтобы тамъ учреждать для нихъ и содержать начальныя школы. Эти нѣмцы изъ низшихъ классовъ, живя въ латышскомъ морѣ и вращаясь почти исключительно въ латышской средѣ, посѣщая латышскую народную школу, конечно, олатышились, и чтобы дать тѣмъ оставшимся нѣмцамъ возможность воспитывать своихъ дѣтей на родномъ языкѣ, учреждаются тамъ эти школы начальныя и ремесленныя. Гг., никакого пангерманскаго движенія у насъ въ Прибалтійскомъ краѣ нѣтъ. Мы дорожимъ только достояніемъ нашей національности, достояніемъ нашей культуры. Я думаю, что та вѣрность, которую мы оказывали нашей національности, можетъ служить лучшимъ залогомъ тому, что какъ мы были, такъ всегда и будемъ вѣрны идеѣ русской государственности. Я кончаю. Я передъ вами душу свою излилъ, и говорилъ, какъ подобаешь намъ, съ открытымъ забраломъ, ничего не скрывая; я вамъ сказалъ, что мы вѣрноподанные и лойяльные граждане Имперіи, но отказаться отъ національности своей мы не можемъ. Гг., нельзя, въ самомъ дѣлѣ, отнять у насъ нашу душу и вложить въ насъ чужую, и даже, если бы это было возможно, то это ни къ чему хорошему не привело бы, ибо принести пользу государству всякая народность можетъ только тѣми силами и тѣми качествами, которыя вложены въ нее самой природою. И поэтому, гг., я, кончаю, выражая надежду и даже

болѣе, увѣренность, что все-таки настанетъ время, и я скажу, дай Богъ, чтобы оно настало скоро, когда не будетъ больше между нами этого недо-вѣрія и не будетъ больше подобныхъ инсинуацій и заподозриваній, что настанетъ время, когда и правительство и русское общество проникнутся сознаниемъ, что сила государства въ единствѣ, но не въ единообразіи, и что поэтому слѣдуетъ намъ дозволить развиваться такъ, какъ этого требуетъ наша природа, и что именно благодаря этому мы будемъ въ состояніи служить по мѣрѣ силъ нашихъ Государю Императору и приносить пользу великой Имперіи, нераздѣльную часть которой составляетъ наша маленькая родина— Прибалтійскій край. (Рукоплесканія въ центрѣ и справа).

О нѣмецкихъ колонистахъ.

(Письмо въ редакцію «Вечерняго Времени» отъ 28 мая 1914 г.)

Въ столичной печати и, въ частности, въ № 761 газеты «Вечернее Время» появились свѣдѣнія о нѣмецкой колонизаціи Прибалтійскаго края, могущія вызвать общественную тревогу. Такъ какъ свѣдѣнія эти не соотвѣтствуютъ дѣйстви-тельности, то, на основаніи ст. 11 времен. прав. о поврем. изданіяхъ (прилож. къ ст. 114 уст. о ценз. и печ.), прошу редакцію газеты «Вечернее Время» напечатать нижеслѣдующее:

Съ 1907 г. по 1 января 1914 г. въ Курлянд-скую губернію прибыло колонистовъ не 18,000, а 6,247— считая женщинъ и дѣтей, — составляющихъ 1,235 семействъ.

Изъ числа этихъ колонистовъ земельныхъ собственниковъ не 8,000, какъ говорится въ упоминаемой статьѣ, а 171, владѣющихъ въ общей сложности 5,093 десятинами. Купчія на эти участки укрѣплены въ подавляющемъ большинствѣ — въ 1910 и 1911 годахъ. Остальные колонисты — безземельные батраки.

Колонисты эти расположены по всей губерніи, но большей частью въ Гольдингенскомъ, Газенпотскомъ и Тальсенскомъ уѣздахъ.

Ни одинъ изъ этихъ уѣздовъ не граничитъ ни съ Пруссіей, ни съ портами побережья Балтійскаго моря.

Всѣ эти колонисты — русскіе подданные, крестьяне Люблинской, Радомской, Варшавской, Сѣдлецкой, Волынской и Саратовской губерній.

Всѣ они къ этимъ губерніямъ приписаны издавна и говорятъ по-русски гораздо лучше, чѣмъ окружающее ихъ теперь латышское населеніе. Дѣти ихъ говорятъ почти только по-русски.

Никакой общей организаціи для приглашенія батраковъ изъ числа нѣмецкихъ колонистовъ вышеперечисленныхъ губерній въ Курляндской губерніи не существуетъ и не существовало.

Наемъ колонистовъ начался въ 1907 году, когда помѣщикамъ предстала необходимость возобновить составъ рабочихъ послѣ разгрома мѣстнымъ населеніемъ усадебъ, сопровождавшаго въ Курляндской губерніи бунтовщическое движеніе 1905-1907 годовъ.

Съ этого времени число такихъ рабочихъ мѣнялось, то увеличиваясь, то уменьшаясь.

Въ 1913 г., за недостаткомъ на мѣстѣ рабочихъ рукъ, количество пришлыхъ рабочихъ съ семействами увеличилось, дойдя отъ 5,789 человекъ 1912 г., до упомянутой выше цифры — 6247, то есть увеличилось на 458 человекъ, считая женщинъ и дѣтей.

За тотъ же годъ приблизительно такое же число рабочихъ было нанято русскихъ изъ Ви-

тебской, Минской и другихъ губерній.

Собственниковъ недвижимостей, перешедшихъ непосредственно изъ германскаго въ русское подданство — въ Курляндской губерніи всего два, а именно: Юрре Шкирбсть, который при возбужденіи ходатайства о принятіи въ русское подданство состоялъ владѣльцемъ 11 десятинъ земли и мельницы въ Рутцавской казенной лѣсной дачѣ, Гробинскаго уѣзда, и Вильгельмъ Ассманъ, арендаторъ Виргенской «Луббенъ» корчмы, того же уѣзда.

Губернаторъ въ должности

егермейстера Высочайшаго Двора

Набоковъ.

